

Ausgewählte Vorträge des DHI Moskau / Selected Lectures given at the GHI Moscow /  
Избранные доклады ГИИМ

**German Historical Institute Moscow**



# Путешествие Александра фон Гумбольдта по России (1829 г.)

**Оливер Любрих**

**Доклад в рамках Российско-Германского года научно-образовательных партнерств. Москва, 27 сентября 2019**

**Под ред. Германского исторического института в Москве**

Text published under Creative Commons Licence CC-BY- 4.0,  
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>.

Images are not available under Creative Commons, see copyright below each figure.

2019/1

Германский исторический институт в Москве, 27 сентября 2019

Доклад в рамках Российско-Германского года научно-образовательных партнерств.

## Оливер Любрих

### Путешествие Александра фон Гумбольдта по России (1829 г.)\*

#### ABSTRACT

Alexander von Humboldt went on an expedition through Russia and Siberia in 1829, which led him to the Chinese border. This second great journey of the German naturalist was in many respects complementary to his American expedition of 1799–1804. In Russia, Humboldt travelled and researched under political pressure.

On the one hand he reported to the Russian government on his inspections in the mining industry and on the other hand he wrote letters to his brother about slavery and surveillance. Humboldt's work on Central Asia (1843) shows subtle methods of indirect criticism. Here he describes how inefficient energy production in a state-owned and self-driven economy destroys the environment and causes man-made climate change.

#### ZUSAMMENFASSUNG

Alexander von Humboldt unternahm 1829 eine Expedition durch Russland und Sibirien, die ihn bis an die chinesische Grenze führte. Diese zweite große Reise des deutschen Naturforschers verhält sich in vielen Hinsichten komplementär zu seiner amerikanischen Expedition von 1799–1804. In Russland reiste und forschte Humboldt unter politischem Druck. In seinen Reisebriefen berichtet er einerseits der russischen Regierung von seinen Inspektionen im Bergbau sowie andererseits seinem Bruder von Unfreiheit und Überwachung. Humboldts Werk Zentral-Asien (1843) zeigt subtile Verfahren indirekter Kritik. Hier beschreibt er, dass eine ineffiziente Energiegewinnung in einer von Staatsbesitz und Leibeigenschaft bestimmten Wirtschaft die Umwelt zerstört und einen menschengemachten Klimawandel auslöst.

#### РЕЗЮМЕ

В 1829 г. Александр фон Гумбольдт отправился в экспедицию по России, которая привела его в конечном итоге к самой китайской границе. Это было второе крупное предприятие такого рода для

немецкого натуралиста, которое во многих отношениях перекликается с его американской экспедицией в 1799-1804 гг. В России Гумбольдт был вынужден путешествовать и заниматься исследованиями в условиях политического давления. В своих письмах он, с одной стороны, отчитывается перед русским правительством об осмотре горнодобывающих предприятий, с другой стороны, рассказывает своему брату об атмосфере несвободы и надзора. Книга Гумбольдта о Центральной Азии (1843) полна скрытой критики. Так, он показывает, как неэффективная в условиях государственной и крепостнической экономики энергетическая политика приводит к разрушению окружающей среды и рукотворному изменению климата.

---

\* Доклад, прочтенный в Германском историческом институте в Москве 27 сентября 2019 г. Cp. Die andere Reise des Alexander von Humboldt, in: Alexander von Humboldt: Zentral-Asien, Frankfurt a. M.: S. Fischer, 2009, S. 845–885.

«Несколько дней назад прибыл сюда один немец, – сообщал полицмейстер некоего западносибирского городка, – худощавый, росту маленького, с виду незначительный, но важный». Чиновник спешил предупредить генерал-губернатора, что «эта особа мне кажется подозрительной и очень опасной. Он мне сразу не понравился: слишком много болтает», и хуже того: «При всем при этом он откровенно не удостоил внимания высших официальных лиц города и вступал в беседы с поляками и другими политическими преступниками, состоящими под моим надзором. Осмелюсь доложить, что подобные разговоры с политическими преступниками не укрываются от моего внимания, особенно с тех пор, как он после долгих бесед ночью поднялся с ними на вершину холма, господствующего над городом. Туда они притащили короб и достали из него инструмент, который мне и всему обществу кажется пушкой. Установив эту трубу на три ноги, он направил ее прямо на город, и все подошли к нему и глядели, верно ли она нацелена. Видя во всем этом большую опасность для города (ибо он целиком деревянный), я немедленно приказал гарнизону в составе унтер-офицера и шести рядовых явиться на то же место с заряженными ружьями, не выпускать немца из виду и наблюдать за его махинациями. Если крамольные проделки этого человека подтвердят мои подозрения, то мы за царя и Святую Русь живота своего не пожалеем».

Героем этого примечательного (хотя и апокрифического) полицейского рапорта является Александр фон Гумбольдт, путешествовавший по Российской империи в 1829 году и использовавший при этом новейшие измерительные приборы. Анекдот о наблюдении за ним, опубликованный много лет спустя в немецкоязычном прибалтийском ежемесячнике «Baltische Monatsschrift»<sup>1</sup>, указывает на одно важное обстоятельство, а именно – на те сложные политические условия, в которых Гумбольдт, исследовавший в молодости испанские колонии в Америке, теперь совершал свое второе путешествие – по Азии.

Во многих отношениях эта менее известная экспедиция представляла собой *другое* путешествие Гумбольдта. Поездки носили взаимодополнительный

---

<sup>1</sup> Georg Schmid: Zu Alexander von Humboldts Reise in Rußland. Nach russischen Quellen mitgeteilt, in: Baltische Monatsschrift 70 (1910), S. 249–262, здесь S. 257.

характер, и вторую экспедицию можно понять в соотношении с первой по нескольким параметрам:

1. После изучения в Америке *заморской* колониальной империи теперь, в Азии, Гумбольдт путешествовал по *континентальной*.

2. Когда Гумбольдт путешествовал в Америку, Испанская империя находилась в состоянии распада; поднималось движение за независимость, которое в то время, когда путешественник, сидя в Париже, писал 29 томов своего труда, посвященного американским темам, вылилось в национально-освободительные войны, положившие конец европейскому владычеству (1809–1825 гг.). Российская же империя, напротив, находилась на пике восстановления своего могущества. За несколько лет до прибытия Гумбольдта царские власти подавили восстание декабристов, и с тех пор наступила жесткая реакция, сопровождавшаяся репрессиями и ссылками.

3. Если в Перу и Мексике царили мир и спокойствие, то русский царь вел войны против Персии (1826–1828) и Османской империи (1827–1829) на Кавказе и Балканах.

4. Если в Венесуэле Гумбольдт путешествовал по не систематически и не жестко управляемым районам, то в Сибири он находился в повсеместно и тщательно организованном полицейском государстве. По колониям испанского короля он мог передвигаться самостоятельно, а во владениях русского царя он подвергался не только соблазнам власти, но и влиянию и надзору с ее стороны.

5. Если американская экспедиция служила в первую очередь научным целям, то с азиатской обе стороны связывали экономические и дипломатические ожидания. Российское правительство надеялось, что Гумбольдт как опытный геолог и эксперт по горному делу даст ему рекомендации по разведке, освоению и эксплуатации полезных ископаемых, а прусский король надеялся улучшить с его помощью отношения со своим могущественным восточным соседом. Гумбольдт путешествовал по приглашению российского государства. В его столице он жил в резиденции прусского посла.

6. Первая экспедиция была снаряжена на собственные средства Гумбольдта, вторая финансировалась за счет внешних средств. По Новому Свету естествоиспытатель путешествовал пешком, верхом и на каноэ по собственной инициативе и за свой счет. Потратив на эту экспедицию и на

обработку ее результатов всё полученное им в наследство состояние<sup>2</sup>, он в дальнейших своих планах вынужден был рассчитывать на поддержку со стороны. Если он хотел увидеть Азию, то от предложения российского правительства финансировать экспедицию отказаться было невозможно. Пришлось отказаться от независимости.

7. Возвратясь из Америки, Гумбольдт печатал в Париже свои труды относительно свободно. В России же они подвергались цензуре, и впоследствии автору приходилось осуществлять самоцензуру. Поэтому если свои впечатления о поездке в Новый Свет он, еще молодой исследователь, мог сообщить широкой публике в многочисленных публикациях, то из Сибири он, уже будучи знаменитым путешественником, посылал осторожные доклады министру финансов в Петербург, а свои критические замечания мог фиксировать только в частном порядке – в письмах к брату или в дневнике<sup>3</sup>. Так, например, против рабства, шокировавшего его в странах Карибского бассейна, он мог выступить с публичным протестом, тогда как по поводу российского крепостного права ему было дозволено, самое большее, ненавязчиво предложить некоторые смягчающие меры, а о судьбах отдельных ссыльных он мог лично написать самодержцу, взывая к его милосердию. За Атлантическим океаном Гумбольдт почти полностью сам распоряжался собой, за Уральским хребтом он пребывал в гнетущем положении человека, который не может сделать сам ничего.

Решающее различие между этими двумя поездками лежало в политической плоскости. Сибирская экспедиция и ее важнейший документ – трехтомник «Центральная Азия» (1843 г.) – являют нам фигуру ученого, работающего в сложных и нестабильных условиях, и автора, которому

---

<sup>2</sup> Российскому министру финансов Гумбольдт признался, что «уничтожил» свое состояние ради американской экспедиции. W. v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 26. Februar 1828, in: Im Ural und Altai. Briefwechsel zwischen Alexander von Humboldt und Graf Georg von Cancrin aus den Jahren 1827–1832, Leipzig: F. A. Brockhaus, S. 28–31, здесь S. 29. Далее ссылки даются по дате и месту написания письма. – Ср. новое издание писем Гумбольдта из поездки в Россию: Eberhard Knobloch, Ingo Schwarz und Christian Suckow (Hrsg.): Alexander von Humboldt: Briefe aus Russland 1829, Berlin: Akademie, 2009.

<sup>3</sup> Alexander von Humboldt: Fragmente des Sibirischen Reise-Journals 1829 (Oktavband). Original: Schloß Tegel, Berlin. Kopie und Transkription (von Gisela Lülfiing): Alexander von Humboldt-Forschungsstelle der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften; Obs[ervations] astronomiques faites dans le Voyage de Sibérie (Quartband). Original: Schloß Tegel, Berlin. Kopie und Transkription (von Gisela Lülfiing, fortgesetzt von Bärbel Bergmann): Alexander von Humboldt-Forschungsstelle der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. Ср. Christian Suckow, Ein vergessenes Konvolut – Alexander von Humboldts »Fragmente des Sibirischen Reise-Journals 1829«, Berlin: BBAW, 2009; Peter Honigmann, Alexander von Humboldts Journale seiner russisch-sibirischen Reise 1829, in: Humboldt im Netz 15:28 (2014), S. 68–77.

приходится принимать непростые решения. Перед нами не прославленный образцовый вольнодумец, одушевляемый идеалами гуманизма, а куда менее знакомый нам и весьма проблематичный персонаж. Эта проблематичность реконструируется на основе многочисленных свидетельств. В настоящей статье основное внимание будет уделено наиболее важному результату его путешествия – трехтомной работе «Центральная Азия», – позволяющему увидеть и ограничения, в условиях которых Гумбольдт работал и писал, и изобретательные выходы, которые он находил в трудных обстоятельствах<sup>4</sup>.

С самого начала стало понятно, что решающую роль в азиатской экспедиции предстоит играть не науке, а экономике и политике. Министр финансов России Георг фон Канкрин, уроженец Германии, обратился к Гумбольдту с просьбой поделиться своим опытом в валютных вопросах: имеет ли финансовый смысл чеканить монеты из платины? (15 августа 1827 г.) Гумбольдт не советовал этого делать. Российское правительство тем не менее решило экспериментировать с платиновой валютой, однако успехом эта попытка не увенчалась. Но обмен письмами по валютному вопросу имел и другой результат. Во втором своем письме Канкрин намекнул, что области за Уралом, где добывали платину, «пожалуй, стоят того, чтобы их посетил какой-нибудь крупный натуралист» (22 октября 1827 г.<sup>5</sup>). Посылая в Петербург экспертное заключение, Гумбольдт показал, что намек понят: «Мое самое горячее желание – лично засвидетельствовать Вам мое почтение в России. Урал, Арарат, который теперь вскорости станет русским, да даже озеро Байкал –

---

<sup>4</sup> Все нижеследующее базируется на новом немецкоязычном издании книги Гумбольдта «Центральная Азия» – см. Oliver Lubrich (Hrsg.): Alexander von Humboldt: Zentral-Asien. Untersuchungen zu den Gebirgsketten und zur vergleichenden Klimatologie, Frankfurt a. M.: S. Fischer, 2009, приложение: S. 821–918. Все цитаты в тексте приведены с указанием тома и страницы французского оригинала, как это сделано и в новом немецком издании (римская цифра обозначает том, арабские – страницу): Alexander von Humboldt: Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée, 3 t., Paris: Gide, 1843. [рус. изд.: Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии / перевод с французского П.И. Бородзича; под редакцией проф. Д.Н. Анучина. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915 – *Прим. пер.*]. Об истории путешествия Гумбольдта по России см.: Hermann Klencke: Alexander von Humboldt's Leben und Wirken, Reisen und Wissen. Ein biographisches Denkmal, Leipzig: Otto Spamer, 1876 (siebte Auflage: erweitert und bearbeitet von H. Th. Kühne und Ed. Hintze), S. 281–342; Hermann Kletke: Alexander von Humboldt's Reisen in Amerika und Asien. Eine Darstellung seiner wichtigsten Forschungen, 4 Bde., Bde. 3–4: Alexander von Humboldt's Reisen im europäischen und asiatischen Rußland, Berlin: Hasselberg [1854–1856] (4. Auflage); Hanno Beck: Alexander von Humboldts Reise durchs Baltikum nach Rußland und Sibirien 1829, Stuttgart: Erdmann, 1983; Christian Suckow: Alexander von Humboldt und Rußland, in: Ottmar Ette, Ute Hermanns, Bernd M. Scherer und Christian Suckow (Hrsg.): Alexander von Humboldt. Aufbruch in die Moderne, Berlin: Akademie, 2001, S. 247–264.

<sup>5</sup> Brief von Georg von Cancrin aus Sankt Petersburg vom 22. Oktober 1827, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): Im Ural und Altai..., S. 7–8, здесь S. 8.

представляются мне как милые моему воображению виды» (19 ноября 1827 г.)<sup>6</sup>. Канкрин немедленно направил ему приглашение: «Монарх этого желает, ибо польза для науки и для империи несомненно будет очень большой» (17 декабря 1827 г.)<sup>7</sup>. Гумбольдт принял это предложение и подтвердил ожидания российской стороны, что сможет «выполнить некоторые поручения, полезные для администрации» (26 февраля 1828 г.)<sup>8</sup>. В ответ министр пообещал полное финансирование экспедиции за счет российской казны (20 марта 1828 г.)<sup>9</sup>. Договорились, что Гумбольдт сможет сам выбрать себе маршрут и взять с собой химика и минералога Густава Розе, а также ботаника и зоолога Кристиана Готфрида Эренберга, а российская сторона назначает ему в помощники чиновника горного департамента Меншенина.

Гумбольдт еще несколькими годами ранее решил совершить второе кругосветное путешествие, которое дополнило бы его первое: он хотел узнать два «мира», исследовать оба «континента», мечтал иметь возможность сравнивать Анды с Уралом, а Чимборасо с Гималаями. Его план попасть в Индию через Южную Азию провалился, потому что английские колониальные правители запретили критически настроенному иностранцу въезд на территорию своей империи, но тяга к странствиям была у Гумбольдта неизбирательной, а его готовность к импровизациям была высока. Он писал Канкрину: «[...] возможно, детское, но горячее желание моей молодости – увидеть и Амазонку, и Иртыш» (10 января 1829 г.)<sup>10</sup>. «Тобольск – мечта моей ранней юности» (26 февраля 1828 г.)<sup>11</sup>. Есть несколько точек на карте, которые он назвал местами своей мечты, и не один город может украсить себя цитатами, в которых Гумбольдт расхваливает его как якобы самый красивый в мире. И точно так же, как он сначала хотел отправиться в Африку, а затем уехал в Америку, теперь он оказался в Сибири, хотя на самом деле его влекли Персия и Индия.

---

<sup>6</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 19. November 1827, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 9–18, здесь S. 18.

<sup>7</sup> Brief von Georg von Cancrin aus Sankt Petersburg vom 17. Dezember 1827, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 19–21, здесь S. 19.

<sup>8</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 26. Februar 1828, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 28–31, здесь S. 29.

<sup>9</sup> Brief von Georg von Cancrin aus Sankt Petersburg vom 20. März 1828, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 32–33.

<sup>10</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 10. Januar 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 40–48, здесь S. 41.

<sup>11</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 26. Februar 1828, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 28–31, здесь S. 30.

На какие уступки пошел Гумбольдт, чтобы получить разрешение путешествовать по России? И удалось ли ему компенсировать те обременительные обязательства и ограничения, с которыми ему приходилось там сталкиваться? Цена, которую он заплатил, была действительно высока. Зависимость от российского правительства означала для него как для писателя обязанность воздерживаться от политических заявлений. Гумбольдт, автор «*Политических очерков*» о Кубе и Новой Испании, которые в одном случае вылились в манифест против рабства<sup>12</sup>, а в другом увенчивались выводом, что Мексика является «страной неравенства» («*Le Mexique est le pay de l'inégalité*»)<sup>13</sup>, должен был в том, что касалось Российской империи, вести себя аполитично. Относительно своих планов он заверил Канкрин, что, «разумеется», в книге, которая будет написана по итогам экспедиции, он ограничится «только неживой природой» и будет обходить «все, что касается человеческих учреждений, условий жизни низших классов народа: то, что иностранцы, не владеющие языком, сообщают об этом миру, всегда дерзко, неверно, а при такой сложной машине, как условия жизни и некогда приобретенные права высших сословий и обязанности низших, оказывает лишь возбуждающее действие, не принося никакой пользы!» (17 июля 1829 г.)<sup>14</sup>. Обсуждая действия русской армии на Кавказе против турок, Гумбольдт писал министру о «неосмотрительном упорстве варваров» (10 января 1829 г.)<sup>15</sup>, а когда бои закончились, поздравил Канкрин: «Как я радуюсь победам Вашего оружия! (27 августа 1829 г.)<sup>16</sup>. Объявляя о своей готовности предложить усовершенствования, которые носили не чисто технический характер, а затрагивали и использование труда крепостных, он воздержался от изложения их в письменном виде: «О Колыванских рудниках и ужасающих потерях серебра при плавлении – устно!» (27 августа 1829 г.)<sup>17</sup>.

<sup>12</sup> Alexander von Humboldt: *Essai politique sur l'île de Cuba*, 2 t., Paris, Gide fils: 1826, здесь t. I, p. 305–336. [Курсив О. Любриха – прим. пер.]

<sup>13</sup> Alexander von Humboldt: *Essai politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne*, 2 t., Paris: Schoell/Stône [1808–]1811 et [1809–]1811, здесь t. I, p. 428.

<sup>14</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Katharinenburg vom 17. Juli 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 73–77, здесь S. 74.

<sup>15</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 10. Januar 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 40–48, здесь S. 41.

<sup>16</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Omsk vom 27. August 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 86–88, здесь S. 88.

<sup>17</sup> Ebd.

Контроль со стороны российских властей осуществлялся не грубо. Выдающегося ученого и его спутников встречали местные сановники; размещали их в домах состоятельных горожан; экипировку им поставляли военные; в пути их сопровождал эскорт, а губернские органы управления оказывали им поддержку. Путешествие превратилось в череду торжеств и чествований. Речи, приветственные адреса и ордена сменяли друг друга. Восемь документов такого рода, которые принял Гумбольдт из рук россиян, теперь хранятся в архиве в Берлине<sup>18</sup>.

По распоряжению царского военного ведомства была изготовлена палатка без единой железной детали, в которой Гумбольдт мог проводить свои наблюдения земного магнетизма [III. 467]. По колонизованной территории он путешествовал, пользуясь картами колониальной администрации. Генеральный штаб был заинтересован в пополнении своих знаний о малоизученных регионах и приграничных областей [III. 494]. При проведении измерений вблизи китайских постов представлялось необходимым проявлять осмотрительность: «Соображения осторожности, о которых легко догадаться, заставили меня проводить наблюдения лишь в двух с половиной верстах к западу от китайского лагеря, в уединенном месте» [III. 489]. Исследователь находился на грани подозрения в шпионаже.

То, что он пережил во время путешествия в Сибирь, не могло оставить спокойной совесть философа-просветителя. В отчете Густава Розе, сопровождавшего Гумбольдта, мы читаем следующее свидетельство: «На этом пути мы впервые увидели этап ссыльных, которые были отправлены в Сибирь. Он состоял из женщин и девочек, числом человек 60–80. Они шли свободно, то есть совершенные ими преступления были не тяжкими; [осужденные за более] тяжкие, которых мы встречали в ходе нашего дальнейшего путешествия, идут по обе стороны длинного каната, к которому они прикреплены одной рукой. [...] На всех станциях, примерно через каждые 30 верст [...], на этой дороге – главном пути в Сибирь – построены деревянные дома, окруженные частоколами, в которых ссыльные, как в России называют людей, изгнанных в Сибирь, проводят

---

<sup>18</sup> Документы приводятся в новом немецком издании «Центральной Азии» (Oliver Lubrich (Hrsg.): Alexander von Humboldt: Zentral-Asien..., S. B21–B31).

ночи, а каждый четвертый день отдыхают. Частые встречи с ними не относятся к приятным сторонам пути в Сибирь»<sup>19</sup>.

В дневнике Гумбольдта встречаются заметки, которые указывают на то, что он видел и о чем должен был молчать: «утащенные души», «безвинно в Сибирь»<sup>20</sup>.

Путешественник считал себя обязанным регулярно докладывать о ходе своего предприятия министру финансов, от которого он получил и задание, и средства на его выполнение. Но в пути он писал две серии писем, документирующих его экспедицию с противоположных сторон: одни – официальные, адресованные в Санкт-Петербург, российскому правительству (Георгу фон Канкрину), другие – приватные, в Берлин, к родне (Вильгельму фон Гумбольдту). Брату Александр жаловался на то, как сильно за ним следили по дороге, на «постоянное представительство», из-за которого он был связан программой официального визита: «Правительство так подготовило нашу поездку, что и высказать нельзя: постоянные приветствия, вперед нас скачут и едут полицейские, административные чиновники, выставлены посты казаков! Но, к сожалению, почти ни на минуту не остаешься один: нельзя сделать шагу, чтобы не подхватили под руки, совсем как больного!»<sup>21</sup>

Вернувшись из поездки по Сибири и Каспийскому морю, Гумбольдт должен был выступить с докладом перед Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге<sup>22</sup>. Своему другу Фарнхагену фон Энзе он признался, что этот «петербургский крик» был «пародией, разыгрываемой перед двором», «попыткой льстить без унижения»<sup>23</sup>.

<sup>19</sup> Gustav Rose: Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Mineralogisch-geognostischer Theil und historischer Bericht der Reise, 2 Bde. (Bd. II: Reise nach dem südlichen Ural und dem Kaspischen Meere, Uebersicht der Mineralien und Gebirgsarten des Ural), Berlin: Sandersche Buchhandlung (G. E. Reimer), 1837/1842, здесь Bd. I, S. 110–111.

<sup>20</sup> Alexander von Humboldt: Fragmente des Sibirischen Reise-Journals 1829, Reproduktion und Transkription in Auswahl, in: Oliver Lubrich (Hrsg.): Alexander von Humboldt: Zentral-Asien... S. 787–819, здесь S. 793, 791.

<sup>21</sup> Brief an Wilhelm von Humboldt aus Katharinenburg vom 21. Juni 1829, in: Familie von Humboldt in Ottmachau (Hrsg.): Briefe Alexander's von Humboldt an seinen Bruder Wilhelm, Stuttgart: J. G. Cotta 1880, S. 165–213 (19 писем, из них № 1, 2, 4, 5, 8 и 13 на немецком, остальные на французском языке), S. 185–187, здесь S. 186.

<sup>22</sup> Discours prononcé par M. Alexandre de Humboldt à la Séance extraordinaire de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg tenue le 16/28 Novembre 1829, in: Hertha 14 (1829), S. 138–152.

<sup>23</sup> Brief an Varnhagen von Ense vom 26. April 1830. Briefe von Alexander von Humboldt an Varnhagen von Ense aus den Jahren 1827 bis 1858. Nebst Auszügen aus Varnhagen's Tagebüchern, und Briefen von Varnhagen und Andern an Humboldt, Leipzig: F. A. Brockhaus, 1860 (2. Auflage), S. 7.

И Гумбольдт пошел еще дальше: посвятил свой труд царю Николаю I. «Мне много стоило, – признался он, – посвятить три тома моей „Центральной Азии“ росс[ийскому] императору. Это должно было произойти, потому что экспедиция произошла за его счет. Мои отношения с монархом во многом были испорчены с 1829 года из-за моих политических посланий в Париж»<sup>24</sup>.

Гумбольдт знал, что его общение с самодержцем опасно. Еще будучи молодым человеком, в своей поэтической притче о «жизненной силе», которая была опубликована в 1795 г. в журнале Шиллера «Оры», он предупреждал, что «близость к венценосным особам даже самых умных людей лишает их ума»<sup>25</sup>.

Один красноречивый пассаж «Центральной Азии» [III. 469–478] посвящен Готфриду Вильгельму Лейбницу, который тоже состоял в сношениях с правителем России – Петром I. Различные черты сходства позволяют предположить, что Гумбольдт отождествлял себя с Лейбницем как примером для подражания. Еще за сто лет до него Лейбниц – многогранный философ и естествоиспытатель – предложил для России систему станций измерения магнетизма, площадь которой была бы равна видимой стороне Луны. Но прежде всего встреча Лейбница с Петром I должна рассматриваться на фоне отношений Гумбольдта с Николаем I. Письмо своего соотечественника к царю, которое натуралист подробно воспроизводит, представляется ему шедевром тактической лести ради пользы дела; Гумбольдт восхищается Лейбницем за то,

<sup>24</sup> Brief an Heinrich Christian Schumacher vom 22. Mai 1843, in: Kurt-R. Biermann (Hrsg.): Briefwechsel zwischen Alexander von Humboldt und Heinrich Christian Schumacher. Berlin (DDR): Akademie, 1979, S. 112.

<sup>25</sup> Alexander von Humboldt: Die Lebenskraft oder der Rhodische Genius. Eine Erzählung, in: Die Horen 1:5 (1795), S. 90–96, здесь S. 93. Ключевой персонаж рассказа «Жизненная сила, или родосский гений» – ученый Эпихарм – вводится в повествование следующей фразой: «Он редко посещал двор Дионисиев, [...] потому что такая близость к венценосным особам даже самых умных людей лишает их ума». В русских переводах этого текста данная формулировка была сглажена или вовсе вычеркнута как критическая по отношению к монархии. В переводе 1829 г. она выглядит так: «[...] ибо при вращении в высшем свете талант нередко утрачивает часть своего очарования» (Гумбольдт А. фон: Жизненная сила, или гений Родосский. // Московский телеграф 30:24 (1829), С. 423–431, здесь с. 427–428); а в издании 1856 г. вторая часть предложения вовсе опущена (Он же. Жизненная сила или гений Родосский. // Вестник естественных наук 3:1 (1856), Стлб. 5–10, здесь стлб. 8). Этот рассказ Гумбольдт включил в свою книгу «Картины природы», в третьем издании которой он добавил к сентенции о последствиях чрезмерной близости к правителям еще три слова: теперь она гласила, что «близость к венценосным особам даже самых умных людей лишает их ума и их свободы» (Alexander von Humboldt: Ansichten der Natur, mit wissenschaftlichen Erläuterungen, 3. Ausgabe, 2 Bde., Stuttgart u.a.: J. G. Cotta, 1849, Bd. 2, S. 297–314, здесь S. 303–304. [рус. изд.: Гумбольдт А.ф.: Картины природы с научными объяснениями Александра Гумбольдта / Пер. с нем. с 3-го посл. изд. А. Н[азимова]; С предисл. проф. К.Ф. Рулье. М.: Манухин, 1862 – прим. пер.] – Ср. Oliver Lubrich: Forscher in Fürstennähe: Humboldt in Sibirien, in: Alexander von Humboldt: Die Russland-Expedition. Von der Newa bis zum Altai, München: C. H. Beck 2019, S. 185–203.

«с каким благородным рвением и в то же время с какой ловкостью знаменитый геометр умел использовать свою связь с венценосными особами ради продвижения наук». Преувеличения, к которым прибегал Лейбниц, он оправдывает как риторическое средство «возбудить тщеславие могущественного монарха»<sup>26</sup>.

После выхода немецкого издания «Центральной Азии» Гумбольдт добился публикации в «Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen» от 16 декабря 1844 г. возражения на напечатанную в «Journal des Débats» статью «о положении русских крестьян», где, обсуждая «улучшение» такового, автор ссылался на мнение, якобы высказанное по этому вопросу Гумбольдтом. В опровержении категорически заявлялось, что Гумбольдт «нигде, ни в своих собственных трудах, ни в журналах, не упоминал о положении русских крестьян»<sup>27</sup>.

Американские дневники Гумбольдта были полны сатирических и полемических пассажей, а в опубликованном отчете об этом путешествии он критиковал колониальную систему по существу. Когда же его «Политический очерк об острове Куба» вышел в США без главы о рабстве, он публично заявил протест. Неужели после всего этого он действительно вынужден был в «Центральной Азии» воздерживаться от политических заявлений? Дозволено ли было его спутнику высказать их вместо него? Вытеснил ли он проблематику прав человека, пока, служа царю, занимался поисками полезных ископаемых? Питал ли он – возможно, наивно – иллюзию «чистой» науки?

Поездка Гумбольдта в Россию подводит нас к фундаментальной проблеме: что значит путешествовать по несвободной стране? Как можно формулировать сообщения, посылаемые из полицейского государства? Когда можно, а когда – нужно позволить себе выступить в защиту человечности и свободы мнений и заступаться за инакомыслящих? Перед прусским исследователем в России встали те же дилеммы, что перед сегодняшними корреспондентами и дипломатами: оказывать содействие или оказывать влияние? Вселять уверенность или вселять страх? Подпасть под обаяние или подпасть под надзор? Собирать скрытую информацию или скрывать

---

<sup>26</sup> Выделено мной – О.Л.

<sup>27</sup> Alexander von Humboldt: [Autorisierte Richtigstellung zu einem Artikel im Journal des Débats vom 6. Dezember], in: Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen [Spenerische Zeitung] 295, 16. Dezember 1844.

собранный? Подвергать себя цензуре или самоцензуре? Гумбольдту было известно, как жестко в международной экономической политике диктуется выбор между правами человека, сырьевой безопасностью и интересами экспорта.

Как он вел себя в этих условиях? Скомпрометировал ли он себя? Или нашел средства для продуктивного выхода из этой сложной ситуации? Какие обстоятельства искажают наше восприятие? К каким компромиссам принуждают давление и соблазны? Как мы увидим, Гумбольдт, оказавшись в щекотливой ситуации, сделал необычные выводы, сформулировал оригинальные мысли и нашел новые формы – неожиданные, актуальные и приглашающие задуматься.

### **1. Написанное между строк**

Поскольку открыто высказаться было невозможно, Гумбольдт включил в текст своей «Центральной Азии» зашифрованные послания. Его молчание, равно как и его лесть, весьма красноречивы. Уже само посвящение царю [I. vii-ix] – едва прикрытая дерзость. Гумбольдт иронично приписывает монарху те самые устремления, с которыми Николай всеми средствами боролся: «свободное развитие умственных способностей» [I. viii]. В самом начале своей книги Гумбольдт упомянул о том давлении, которому ему предстояло уступать, – он привел двусмысленную цитату из самодержца: «Вы пожелали, чтобы „все, что касается материальных и местных интересов, играло в моих исследованиях лишь второстепенную роль“» [I. ix]. Следовало ли понимать эти «материальные и местные интересы» лишь как практические стороны поездки или же как общественно-политические проблемы, т.е. как именно то, о чем Гумбольдт должен был молчать? Посвящение завершается благодарностью «могущественному монарху» [I. ix]. Насколько саркастично понятие свободы, если ею человек обязан деспоту?

С самого начала в текст проникла двусмысленность. Если затем читать этот столь решительно аполитичный труд Гумбольдта, обращая внимание на тонкие намеки, то можно увидеть, о чем нельзя (или нецелесообразно) было сказать напрямую. На первой странице «Введения» говорится о «подъеме масс» (*soulèvement des masses*) [I. xi]. На поверхности речь идет о горном хребте. Однако после притворного поклона, отвешенного автором властелину России, данное словосочетание указывает на возможность (и необходимость)

восстания, тем более что оно непосредственно связано с «состоянием человеческих обществ» [I. xi]. Гумбольдт сделал из геологического факта политическую метафору<sup>28</sup>.

Другой намек вряд ли можно понять, не зная его подоплеки. В конце «Введения» Гумбольдт довольно неожиданно упоминает некоего «господина Виткевича» – «отважного путешественника», – не уточняя, что же делает этого человека столь значимым [I. liv]. К тому же говорится о нем обходным путем – посредством цитат из сообщений других путешественников (Грегора фон Хельмерсена и Александра Бёрнса). Сам Гумбольдт обращается к неким не названным «людям в Сибири, разделявшим тот интерес, который вызвала у меня печальная и бурная судьба этого молодого поляка, когда я проезжал через Орск в сентябре 1829 года» [I. iv]. Это непримечательное на первый взгляд упоминание имени поляка представляло собой политическую бомбу: ведь, как подсказывает его национальность, речь шла о человеке, отправленном после третьего раздела Польши (1795 г.) в политическую ссылку. Этому молодому поляку, о реабилитации которого Гумбольдт с успехом ходатайствовал лично перед царем и известие о смерти которого он получил во время работы над книгой, он отдает дань уважения подобием краткого некролога. В своих частных записках путешественник приводит больше подробностей. После возвращения домой он продолжал следить за судьбой Виткевича из Берлина – это видно по прибавлениям, сделанным к записям в дневнике. Последняя страница «Фрагментов дневника сибирского путешествия» заканчивается следующей записью: «Несчастный Виткевич, которого я освободил от службы простым солдатом в Орске и о котором сказал хвалебные слова во введении к первой книге моей „Центральной Азии“, стр. LIV, покончил с собой в Петербурге после возвращения из Кабула и Бухары, поскольку правительство отрицало ту миссию, которую возложило на него»<sup>29</sup>. Российский дневник Гумбольдта, таким образом, заканчивается печальным известием о том, что политический ссыльный, о помиловании которого он хлопотал, в конечном счете все же пал жертвой царской системы.

---

<sup>28</sup> Точно так же в обоих художественных фильмах, посвященных путешествиям Гумбольдта, – «Die Besteigung des Chimborazo» [«Восхождение на Чимборасо»] (режиссер Райнер Симонс, 1989) и «Aire Libre» [«Вольный воздух»] (режиссер Луис Армандо Рочес, 1996) извержения вулканов и землетрясения показаны в качестве символов революции.

<sup>29</sup> Alexander von Humboldt: Fragmente des Sibirischen Reise-Journals, in: Zentral-Asien... S. 787–819, здесь S. 819.

После того как с помощью посвящения, образа восстания и упоминания ссыльного в первой части труда политическая тема открыта и одновременно замаскирована под акт вежливости, под метафору и под цитату, возникает возможность распознать и в разбросанных далее по тексту деталях критические замечания – указания на угнетение, принудительную колонизацию, несправедливую оплату труда, крепостничество и общую отсталость российского общества. Гумбольдт пишет о «Сибири осужденных» [I. 192], о «городе ссыльных» (*ville d'exil*) [II. 139], о «весьма умеренной заработной плате рабочих» [I. 314], о политических и моральных препятствиях на пути экономического развития [III. 191] и о «быстром прогрессе», которого удалось достичь на Западе благодаря «свободным и сильным учреждениям» [III. 122]. До отъезда в Азию Гумбольдт еще имел возможность в статье «О будущих отношениях Европы и Америки» высказать публично свое мнение о колониях открытым текстом: «Деспотизм всегда сопровождается неуклонным обнищанием и снижением благосостояния общества»<sup>30</sup>.

Об общественной пользе Александр фон Гумбольдт не переставал заботиться всю жизнь: он хлопотал о создании вольной школы горного дела (1793), ему принадлежит изобретение, способствовавшее прогрессу в области охраны труда (1796), он боролся против дискриминации евреев (1842), выступал за принятие закона об освобождении рабов (1857). Даже в своей программной речи, которую он по окончании азиатской экспедиции произнес в Академии наук в Санкт-Петербурге, Гумбольдт не преминул четко заявить, что научные открытия и новые промышленные технологии в конечном счете служат цели «последовательного улучшения состояния обществ»<sup>31</sup>.

Во время посещения рудников и медеплавильных заводов в Сибири Гумбольдт обнаружил, что социальные условия препятствовали их экономической эффективности. Там царили феодальные условия, было слишком мало свободных, хорошо подготовленных специалистов. Одна из возможностей для критики социально-политической ситуации заключалась для Гумбольдта в том, чтобы высказывать ее в сочетании с такими

---

<sup>30</sup> Alexander von Humboldt: Ueber die künftigen Verhältnisse von Europa und Amerika, in: Morgenblatt für gebildete Stände 20:33 (8. Februar 1826); 20:34 (9. Februar 1826) (Ср. Relation historique du Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent, 3 t., Paris: F. Schoell 1814[–1817], N. Maze 1819[–1821], J. Smith et Gide Fils 1825[–1831]. 3-me t., P. 56–60.)

<sup>31</sup> Alexander von Humboldt: Discours... P. 139.

рационализаторскими предложениями, которых от него ждали: так, он предложил на первый взгляд сугубо технические мероприятия по повышению производительности предприятий, в числе которых упомянул и переход от крепостного права к наемному труду. По тексту разбросаны намеки касательно российской «политической экономии» [I. xvi], содержащие критику казенного владения и крепостного права, отношений собственности и условий производства. «Центральная Азия» вышла в Париже в те же годы, когда Карл Маркс начал там изучать политическую экономию, – за пять лет до «Коммунистического манифеста».

## 2. Политическая климатология

Своему покровителю Канкрину Гумбольдт пообещал (10 января 1829 г.<sup>32</sup>), что будет обращать внимание «больше на вещи», чем «на людей». И действительно, подзаголовок его книги «Центральная Азия» определяет ее как работу по естествознанию, а именно по геологии и климатологии. Но описывал ли Гумбольдт азиатский континент просто как природную зону? Представил ли он его с помощью языка натуралиста неким безлюдным пространством, которое никому не принадлежит и, следовательно, открыто для захвата? Такое обвинение выдвинула против Гумбольдта Мэри Луиз Прэтт, основываясь на избранных местах из его работ об Америке. При этом она, правда, оставила без внимания многочисленные параграфы и целые книги Гумбольдта, в которых дело обстоит ровно наоборот<sup>33</sup>. Но в «Центральной Азии», где социальные и политические темы в самом деле надо было обходить молчанием, похоже, был реализован именно такой проект: чужое изображалось как природа.

Значительную часть пути Гумбольдт и его спутники проделали действительно без какого-либо контакта с людьми. Узнав, что в Барабинской степи вспыхнула «сибирская язва», они были вынуждены запереть двери своих

<sup>32</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Berlin vom 10. Januar 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): *Im Ural und Altai...*, S. 40–48, здесь S. 45.

<sup>33</sup> Mary Louise Pratt: *Alexander von Humboldt and the reinvention of América*, in: *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*, London et al.: Routledge, 1992, P. 111–143 (примечания: p. 239–242); Susanne Zantop: *Colonial Fantasies. Conquest, Family, and Nation in Precolonial Germany, 1770–1870*, Durham et al.: Duke University Press, 1997. О дискуссии по поводу статической критики идеологии и общего анализа дискурсов см. Oliver Lubrich: *Welche Rolle spielt der literarische Text im postkolonialen Diskurs?*, in: *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen* 157:242 (2005), S. 16–39.

карет и полностью изолироваться от населения. Этот эпизод – аллегория чистого движения, путешествия без встреч. Гумбольдт, Розе и Эренберг пребывали в карантине не только в политическом смысле, но некоторое время также и в медицинском. Экспедиции нередко сопряжены с риском для здоровья. Фантазии о чужих культурах часто сочетаются с гигиеническими идеями. «Сибирская чума, [сибирская] язва [Yaswa]»<sup>34</sup>, – так называлась опасная болезнь, вызываемая неизвестным до тех пор патогенном, о которой писал Гумбольдт (в письме Канкрину из Омска от 27 августа 1829 г.).

Тем не менее, в книге «Центральная Азия» повествуется и о контактах с людьми. Принимаемый на государственном уровне гость в Сибири имел дело в основном с представителями российской центральной власти: офицерами, солдатами, чиновниками и начальниками рудников. Он стремился к общению с учеными и коллекционерами. Изредка случались из ряда вон выходящие контакты: в Дерпте Гумбольдт встретился с Иоганном Фридрихом Эшшольцем, который вместе с Адельбертом фон Шамиссо объехал вокруг света; в Петербурге – с поэтом Александром Пушкиным; в Тобольске – с неким доктором Альбертом, племянником Шарлотты Буфф, послужившей прототипом Лотты в «Вертере» Гете; а в Миассе Гумбольдт беседовал, вероятно, с Александром Бланком – дедушкой Ленина (чего путешественник, как предполагал Ханно Бек, знать не мог).

Помимо того, происходило, однако, и общение с местными жителями, с простым населением, с представителями включенных в империю народов или еще не завоеванных соседних наций. Так, Гумбольдт сообщает о своем сотрудничестве со знающими местность проводниками в районе Таловки [I. 317, примечание], о беседах с путешественниками из узбекских ханств в Оренбурге [II. 81] или об интервью с татарами и монголами, проведенных им в Семипалатинске [II. 67 сл.]. Местное знание вошло во многие параграфы его книги. Большое количество страниц посвящено встрече с азиатскими религиями, в особенности с исламом и буддизмом. Вольнодумец Гумбольдт неоднократно посещал мечети и буддистские храмы. Интересовали его и археологические памятники ушедших культур: развалины Булгара, могилы скифов, остатки «чуждских» рудников. И только чуждые звуки явно превосходили его способность

---

<sup>34</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Omsk vom 27. August 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): Im Ural und Altai..., S. 86–88, здесь S. 86.

к восприятию – например, трубы и бубенчики во время калмыцкого богослужения или «к сожалению! также вокальная музыка жен татарских султанов» (письмо Канкрину из Оренбурга от 26 сентября 1829 г.<sup>35</sup>).

Но и решение ограничиться «неживой природой» может иметь непредвиденные последствия. Что понимает натуралист, сталкиваясь с другой средой? Какие неожиданные находки приносит путешествие по чужим краям? В книге «Центральная Азия» описываются малоизвестные в то время природные явления. Так, Гумбольдт описывает цунами, которое «поглотило более 500 000 моргенов пахотных земель» [II. 544]; он подробно описывает древнейшую технику добычи природного газа с помощью простого оборудования и трубопроводов из бамбуковых труб [II. 520 и далее]. Он распознаёт взаимосвязи, которые мы сегодня называем экологическими, точнее – социально-экологическими.

В лесах Урала и на берегах Аральского моря начался процесс познания, имевший большие последствия. Инспектируя рудники, прусский эксперт обнаружил, что характер и масштабы производства энергии оказывали огромное воздействие на природу. В то время (до того, как стали приобретать все большее значение уголь, а затем нефть и газ) важнейшим источником энергии были дрова. Недостаточная эффективность российских предприятий требовала неоправданно высокого потребления топлива и, соответственно, рубки леса на обширных площадях: такое «обезлесение» [Entwaldung] Гумбольдт наблюдал еще в тропиках [III. 199]. Он знал, что леса и вообще покрытые растительностью площади являются «одним из наиболее интересных и наименее учитываемых» количественных факторов, влияющих на климат страны [III. 199]. На берегах Аральского моря, как Гумбольдту было известно из источников, можно было видеть свидетельства его «постепенного высыхания» [II. 138]. Он предупреждал, что этот огромный водоем «чрезвычайно [быстро] уменьшается» [II. 271]. Причину этого он усматривал в хищническом ведении сельского хозяйства, при котором воду отводили по оросительным каналам и из Арала, и из питающих его рек [II. 272]. О берегах Амударьи, ослабленной таким образом, он писал: «Эта земля рискует полностью превратиться в пустыню, когда обитающие там народы наконец своими каналами окончательно уничтожат течение реки» [II. 229].

---

<sup>35</sup> Brief an Georg von Cancrin aus Orenburg vom 26. September 1829, in: W.v. Schneider, F. Russow (Hrsg.): Im Ural und Altai..., S. 96–99, здесь S. 97.

Особенно подробно рассказывая историю изучения Аральского моря, Гумбольдт не только сделал его своего рода парадигмой географии, но и увидел в нем показательный пример разрушения окружающей среды.

То, что происходило на Урале и Арале, побудило автора «Центральной Азии» разработать теорию антропогенного изменения климата: «Произошли довольно значительные изменения в составе земной оболочки» (т.е. атмосферы), резюмировал он, причем «вследствие прогресса человеческих обществ, когда они стали очень многочисленными и деятельными» [III. 121]. Гумбольдт констатировал изменения, «которые человек производит на поверхности континентов, вырубая леса, изменяя распределение воды и выбрасывая в атмосферу большие количества паров и выхлопных газов в центрах промышленной культуры». При этом он подчеркивал: «Эти изменения, несомненно, важнее, чем принято считать» [III. 347].

Но является ли это изменение климата, вызванное добычей энергии, орошением и выбрасываемыми в воздух газами, чисто локальным и временным явлением – или это надрегиональный и долгосрочный процесс? Именно этот вопрос Гумбольдт сформулировал как «одну из главных проблем, которая до сих пор остается нерешенной» и подводит к проблеме «постоянства земных температур» и, таким образом, к идее глобального потепления. Эту проблему, пишет натуралист, следует «начать решать, не беспокоясь о локальном и, естественно, весьма ограниченном влиянии, которое оказывают сплошная вырубка лесов на равнинах и в горах, а также высыхание озер и болот» [III. 349]. Гумбольдт считал себя поборником «общей климатологии» в смысле глобальной экологической науки [III. 77]. Он видел, что климат – это явление, которое находится под влиянием человека и которое следует рассматривать в глобальном масштабе.

Гумбольдт начал и подступаться к ответу на поставленную им проблему: он выдвинул проект международной координации исследовательской деятельности, который конкретизировался в виде планируемой им сети наблюдательных станций, создать которую ученый призывал и в «Центральной Азии» [III. 77], и в своем докладе в петербургской Академии наук. Познавание локальных проблем привело его к пониманию глобального вызова и к предложению международного решения. «Центральная Азия» Гумбольдта является ярким примером долго недооценивавшейся связи между

историческими исследовательскими экспедициями и возникновением идеи охраны окружающей среды. Поэтому она представляет собой идеальный объект для экологически ориентированного литературоведения, для экокритики (Eco-Criticism), которая может быть особенно плодотворной в приложении именно к травелогам<sup>36</sup>. Знакомство с непривычными явлениями чужой природы и незнакомой цивилизацией позволило Гумбольдту лучше заметить связь между природной средой обитания людей и человеческим вмешательством в нее. Именно благодаря тому, что он сосредоточился на природе, он и сумел так много узнать о людях: это был путь от научной проблемы к нравственной. Ведь разрушение окружающей среды явилось результатом неправильного способа хозяйствования при несправедливом общественном строе.

Идея Гумбольдта была встречена скептически. На основе сообщения Христофора Колумба он попытался доказать, что уже тремя с лишним веками ранее вырубка лесов на Гаити изменила климат острова: «Из-за уничтожения части лесов влажность воздуха понизилась» [I. 537–538, примечание]. Возражение на это высказал никто иной как переводчик и редактор книги – Вильгельм Мальман, написавший в сноске: «В том, что это влияние уничтожения лесов имеет такое *большое* значение, у нас после всех проведенных до сих пор исследований по этому вопросу все еще остаются некоторые сомнения»<sup>37</sup>.

### 3. Диалектика колониализма

В «Центральной Азии» рассказывается о местах с богатой историей: Кабул, Бамиан, Тибет. Гумбольдт пишет об убийстве в Гиндукуше, о распространении ислама и конфликте Китая с далай-ламой. Но прежде всего эта книга посвящена экспансии Российской империи.

В Америке путешественник имел возможность познакомиться с заморским колониализмом, в Сибири – с его континентальным вариантом. Земли были завоеваны, освоены и заселены с помощью военной силы и управлялись с

---

<sup>36</sup> Cp. Aaron Sachs: *The Humboldt Current. Nineteenth-Century Exploration and the Roots of American Environmentalism*, New York: Viking, 2006. Cp. Frank Holl: *Wie der Klimawandel entdeckt wurde*, in: *Die Gazette* 16 (2007–2008), S. 20–25; Michael Strobl (Hrsg.): *Alexander von Humboldt: Klima-Schriften*, mit einem Nachwort von Stefan Brönnimann und Martin Claußen, Hannover: Wehrhahn, 2019.

<sup>37</sup> Alexander von Humboldt: *Central-Asien. Untersuchungen über die Gebirgsketten und die vergleichende Klimatologie / übersetzt und herausgegeben von Wilhelm Mahlmann*, drei Teile in zwei Bde.n, Berlin: Carl J. Klemann, 1844. Bd. I, S. 337.

помощью системы «форпостов» – это термин, заимствованный в русский язык из немецкого. Путешественники ехали, пользуясь императорской почтовой системой с ее станциями, на которых они меняли лошадей. На южной границе империи они держались казачьих крепостей, которые были расположены оборонительными «линиями», пересекавшими киргизскую степь. По незащищенной территории они ехали с вооруженным эскортом.

Путешествие привело Гумбольдта в зону напряженности, где сошлись интересы трех империализмов: российского, британского и китайского. Их историческими предшественниками, чью историю Гумбольдт изучал, были европейские и азиатские царства македонцев, византийцев, арабов и монголов. На их примере прусский ученый разрабатывал свою идею о связи между открытием и завоеванием.

«Войны, которые *Поднебесной* веками приходилось вести против народов Запада, – объясняет он, – благоприятствовали развитию географии и подстегивали исследовательское рвение первооткрывателей» [II. 6]. Благодаря расширению «Поднебесной» пополнялись топографические познания и улучшалась картография. Необходимость жесткого управления стимулировала развитие инфраструктуры, познаний в языках и коммуникации. «От завоеваний китайцев и монголов выиграла география» [III. 284]. Российский колониализм в Центральной Азии также имел незапланированные последствия: «Случайно жадность способствовала прогрессу» [I. 335]. О предстоящем походе царя против хивинского хана Гумбольдт писал – и в этом не надо видеть никакого цинизма, – что изучение «этих ранее столь процветающих мест» получит «выгоду» из наступления русских войск [I. 420–421]. Знание, как понял Гумбольдт, есть обратная сторона власти. И то, что осознание этого пришло к нему на основе российского опыта, по всей вероятности, не было совпадением.

Во втором томе «Космоса», опубликованного вслед за «Центральной Азией», Гумбольдт развил эти соображения до глобальной диалектики прогресса и сформулировал первую постколониальную теорию в немецкоязычной литературе – критическую историю науки как историю колониализма<sup>38</sup>.

---

<sup>38</sup> Alexander von Humboldt: *Geschichte der physischen Weltanschauung. Hauptmomente der allmäligen Entwicklung und Erweiterung des Begriffs vom Kosmos, als einem Naturganzen*, in: Alexander von Humboldt: *Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*, 5 Bde., Stuttgart u.a.: J. G. Cotta, 1845–1862. Bd. II, S. 135–520 [рус. изд.: Гумбольдт А.ф.: *Космос : Опыт физ.*

Автор книги «Центральная Азия» много внимания уделил двум акторам, являвшимся, на его взгляд, образцовыми проводниками такой модернизации, в ходе которой колониальные проекты и открытия становятся неотличимыми друг от друга: это Христофор Колумб и Александр Македонский. Оба были ему ужасно близки. Об этом свидетельствует не только его история географии Нового Света («Критическое рассмотрение...»), которая восходит к его собственному путешествию и в испанском издании называется «Колумб». Христофор Колумб сделал доступными для науки новые территории, которые он, служа империи, сделал доступными для разграбления. Поход Александра в Азию символизирует сочетание насильственной оккупации с приобретением этнографических и географических знаний. Современным аналогом его является поход Бонапарта в Египет (1798 г.) с армейским корпусом и целым обозом ученых. Гумбольдт, кстати, едва не оказался вовлечен в это предприятие, но война сорвала его планы.

С научной, политической и художественной точек зрения путешествие Александра фон Гумбольдта по России дало результаты, которые превзошли его трудные условия.

Литературная форма, в которой Гумбольдт представил эти результаты, также имела политический смысл. В многоголосом тексте «Центральной Азии» автор рассматривает предмет под многими разными углами зрения. Он изображает его не единообразно, а, так сказать, призматически или в стиле кубизма. О своей экспедиции Гумбольдт повествует не в линейном порядке, а описываемое пространство он изображает не по принципу центральной перспективы. Его труд совершенно не эго- и не евроцентричен. Он – полная противоположность дискурсу власти<sup>39</sup>.

---

мироописания / [Соч.] Александра фон Гумбольдта. Ч. 1-5. СПб.: Фр. тип., 1848–1863. – *прим. пер.*].

<sup>39</sup> Об Александре фон Гумбольдте как писателе и о его концепции науки см. Robert Van Dusen: *The Literary Ambitions and Achievements of Alexander von Humboldt*, Bern et al.: Peter Lang, 1971; Susan Faye Cannon: *Humboldtian Science*, in: *Science in Culture: The Early Victorian Period*, Kent et al.: Dawson/Science History Publications, 1978, p. 73–110; Ottmar Ette: *Weltbewußtsein. Alexander von Humboldt und das unvollendete Projekt einer anderen Moderne*, Weilerswist: Velbrück, 2002; Bettina Heyl: *Das Ganze der Natur und die Differenzierung des Wissens. Alexander von Humboldt als Schriftsteller*, Berlin u.a.: Walter de Gruyter, 2007.

#### 4. Отзвуки

В литературе откликов на труды Александра фон Гумбольдта было множество. Он вдохновлял многих немецких, французских, английских, американских и латиноамериканских писателей: Иоганна Вольфганга фон Гете, Адальберта Штифтера, Роберта Музиля, Эгона Эрвина Киша, Ганса Кристофа Буха, Петера Шнайдера или Гюнтера Хербургера, Франсуа-Рене Шатобриана, Оноре де Бальзака и Жюль Верна; Жоакима де Соузандради, Еуклидис да Кунью, Мариу ди Андради; Эдгара Аллана По, Уолта Уитмена и Сола Беллоу; Доминго Фаустино Сармьенто, Альфонсо Рейес, Хосе Лесама Лиму, Алехо Карпентьера, Эдуардо Галеано и Габриеля Гарсиа Маркеса<sup>40</sup>.

Ученые, которые приезжают издалека, чтобы собирать травы и камни, и при этом многое знают про те места, куда впервые прибыли: это было забавно уже для местных жителей, которые с ними встречались. О поездке Гумбольдта по России имеется целый ряд исторических свидетельств, исполненных более или менее преднамеренного комизма и предвосхищающих сатирическое описание этой экспедиции.

Так, один адъютант удивлялся, наблюдая исследовательскую работу Эренберга: «Этот господин настолько погружен в свой предмет, что достаточно часто терялся; однажды верховые казаки обнаружили его по колено в болоте в одном фраке; промокший до нитки, он, в окружении казаков, приходит пешком, в своем мокром летнем костюме, только на голове меховая шапка, в одной руке целый пук трав, в другой – красный мох, которым, как он сказал, покрыто дно Красного моря»<sup>41</sup>.

А один уральский казак рассказывает, как он сопровождал «сумасшедшего прусского принца Гумплота» и вынужден был выполнять для него бессмысленные задания. На вопрос, что же он должен был делать, он ответил: «Так, самое, то есть, пустое; [...] как-то в солончаках говорит мне через толмача: полезай в воду, достань что на дне»<sup>42</sup>.

<sup>40</sup> Cp. Rex Clark und Oliver Lubrich (Ed.): *Transatlantic Echoes. Alexander von Humboldt in World Literature*, New York et al.: Berghahn Books, 2012.

<sup>41</sup> Цит. по: Georg Schmid: *Zu Alexander von Humboldts Reise in Rußland...*, S. 255–256.

<sup>42</sup> В немецком переводе избранных мест из «Былого и дум» (*Erlebtes und Gedachtes [Auswahl]*) / übersetzt von C. Bergmann, Weimar: Gustav Kiepenheuer, 1953, S. 62–63, сноска: S. 441) этот пассаж сокращен. [Здесь цит. по: Герцен А.И. *Былое и думы*. М., 2007. С. 82 (прим.). – *прим. пер.*].

Этот диалог опубликован в воспоминаниях Александра Герцена (1812–1870). Русский интеллигент вспоминал, прежде всего, одно событие, которое, помимо эпидемии холеры, было одним из «чрезвычайных событий нашего курса» и в то же время юмористической кульминацией пребывания Гумбольдта в России: прием, устроенный в Московском университете после возвращения экспедиции из Азии:

«Прием Гумбольдта в Москве и в университете было дело нешуточное. Генерал-губернатор, разные вое- и градоначальники, сенат – все явились: лента через плечо, в полном мундире, профессора воинственно при шпагах и с треугольными шляпами под рукой. Гумбольдт, ничего не подозревая, приехал в синем фраке с золотыми пуговицами и, разумеется, был сконфужен. От сеней до залы общества естествоиспытателей везде были приготовлены засады: тут ректор, там декан, тут начинающий профессор, там ветеран, оканчивающий свое поприще и именно потому говорящий очень медленно: – каждый приветствовал его по-латыни, по-немецки, по-французски, и все это в страшных каменных трубах, называемых коридорами, в которых нельзя остановиться на минуту, чтоб не простудиться на месяц. Гумбольдт все слушал без шляпы и на все отвечал – я уверен, что все дикари, у которых он был, краснокожие и медного цвета, доставили ему меньше неприятностей, чем московский прием.

Только он дошел до залы и уселся, как надобно было встать. Попечитель Писарев счел нужным в кратких, но сильных словах отдать «приказ», по-русски, о заслугах его превосходительства и знаменитого путешественника, после чего Сергей Глинка, «офицер», голосом тысяча восьмисот двенадцатого года, густосиплым, прочел свое стихотворение, начинавшееся так:

Humboldt Prométhée de nos jours! [Гумбольдт – Прометей наших дней!]

А Гумбольдту хотелось потолковать о наблюдениях над магнитной стрелкой, сличить свои метеорологические заметки на Урале с московскими – вместо этого ректор повел его показывать что-то сплетенное из высочайших волос Петра I ...»<sup>43</sup>

Этот эпизод, относящийся ко второму приезду натуралиста в Москву, возвращает нас к началу: к своеобразной политической стороне этого необычного путешествия. В абсурдной сцене с учеными в мундирах будущий инакомыслящий Герцен по-своему ухватил сложный, балансирующий на грани риска характер всего предприятия Гумбольдта не менее метко, чем сделал это полицейский чин из маленького сибирского города, с чьего донесения мы начали

---

<sup>43</sup> Там же. С. 81–82.

свой рассказ. Наука попадает в теснины политики. Но эта ситуация дает неожиданные результаты.

В ГДР Гумбольдт в 1950-е годы стал героем комикса, созданного Тео Пианой и Хорстом Шёнфельдером и называвшегося «Александр фон Гумбольдт. Немецкий путешественник и натуралист» (1959). Здесь перед нами «'якобинец' Гумбольдт», который однозначно не приемлет царское «полицейское государство» и «эксплуататорскую жизнь крупных помещиков». Таким образом, он выступает предвестником социальной революции, и его идейные позиции делают его «наследие» привлекательным<sup>44</sup>.

Также в ГДР возник и самый замечательный – хотя и характеризующийся противоположной направленностью и двусмысленностью – литературный текст, посвященный путешествию Гумбольдта в Россию: «Российские письма егеря Иоганна Зайферта» Кристофа Хайна (1980)<sup>45</sup>. Эта новелла в письмах состоит из вымышленных посланий, которые путешествующий с Гумбольдтом слуга мог бы написать своей жене (язык этих писем Хайн игриво стилизует под начало XIX века: «[...] много говорено о невзгодах нам, кои чаятельно воспоследуют со стороны стражей порядка [...])»). Автор описывает великую экспедицию «снизу», с точки зрения простого человека. Безумная рамка, в которую вставляет Хайн эти «документы» с помощью фиктивной истории их публикации, заставляет предположить, что в новелле, которая, на первый взгляд, повествует об исторических событиях в России, на самом деле речь идет о Германии и ГДР: якобы эти обнаруженные в архивах гестапо письма после войны были наклеены на стену в качестве изоляционного материала. Их опубликованию «Центральным исследовательским институтом»<sup>46</sup> предшествует «щекотливый момент проникновения в приватные сферы и удаления обоев со стен»<sup>47</sup>. Послания Зайферта не дошли до адресата, они были «перехвачены» в России<sup>48</sup>. На всех листах стоят «штампы петербургской тайной полиции, а также печати различных ведомств Пруссии и Германской империи»<sup>49</sup>. В рассказе слуги о

---

<sup>44</sup> Theo Piana und Horst Schönfelder: Alexander von Humboldt. Ein deutscher Weltreisender und Naturforscher. Berlin(DDR): Altberliner Verlag Lucie Groszer, 1959, 44 страницы без пагинации.

<sup>45</sup> Christoph Hein: Die russischen Briefe des Jägers Johann Seifert, in: Nachtfahrt und früher Morgen, Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2004, S. 91–159.

<sup>46</sup> Ibid., S. 91.

<sup>47</sup> Ibid., S. 93.

<sup>48</sup> Ibid., S. 94.

<sup>49</sup> Ibid., S. 94.

путешествии речь ведется о «взгляде чрез границу»<sup>50</sup>, о «боязни полиции»<sup>51</sup>, о «рабском наречии»<sup>52</sup> и «самоцензуре»<sup>53</sup>. Одним из лейтмотивов является слежка: письма «вскрываются и копируются»<sup>54</sup>. Люди начинают не доверять друг другу. Уж не является ли Меншенин – русский, сопровождающий путешественников, – агентом тайной полиции? В конце концов Зайферта просят написать осведомительское донесение о «мыслях» Гумбольдта и его «сговорах со ссыльными и всяческими бунтовщиками»<sup>55</sup>. Если он откажется, то ему придется опасаться, что ему больше не позволят покинуть страну. «Российские письма» Кристофа Хайна демонстрируют – подобно самой «Центральной Азии» Гумбольдта, – как к репрессивной ситуации можно подойти творчески.

Помимо этого романа в письмах Кристофа Хайна к традиции научной сатиры относится и один из самых продаваемых немецких романов послевоенного периода – «Измеряя мир» Даниэля Кельмана (2005)<sup>56</sup>. Известные эпизоды здесь предстают перед нами в виде лаконичной комедии: *«Неплохо, – так хвалит, например, один из спутников Гумбольдта после того, как на Урале было сделано открытие, ставшее легендарным. – Всего несколько недель в стране и уже найден первый алмаз в России, сразу чувствуется рука мастера.*

Не он нашел его, сказал Гумбольдт.

Если ему позволено будет дать совет, сказал Розе, впредь Гумбольдту лучше никогда не повторять этой фразы»<sup>57</sup>.

Но и у Кельмана странные вещи происходят именно в России. Рассказ о Гумбольдте заканчивается этим *другим* путешествием. Глава озаглавлена «Степь»<sup>58</sup>. Она начинается с вопроса о смерти. Сатирический юмор сменяется экзистенциальной меланхолией. В литературном Гумбольдте становится заметен пессимизм: калмыцкому ламе он говорит, что ничего не знает и что у

---

<sup>50</sup> Ibid., S. 125.

<sup>51</sup> Ibid., S. 96.

<sup>52</sup> Ibid., S. 148.

<sup>53</sup> Ibid., S. 116.

<sup>54</sup> Ibid., S. 106.

<sup>55</sup> Ibid., S. 137.

<sup>56</sup> Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt, Reinbek: Rowohlt, 2005. [рус. изд.: Кельман Д. Измеряя мир. М.: АСТ, 2016. Цитаты здесь и далее приведены по этому русскому изданию – прим. пер.].

<sup>57</sup> Там же. С. 293.

<sup>58</sup> Там же. С. 305.

него нет никакого «послания». А в Астрахани, незадолго до того, как измеритель мира пускается в обратный путь, он представляет себе, что эта экспедиция может стать вообще концом всего: *«Слиться с водными просторами, навсегда исчезнуть среди ландшафтов, о которых мечтал еще ребенком, войти в образ, выйти из него и никогда не возвратиться?»* Так Центральная Азия могла бы стать ареной совсем другого путешествия: *«Просто исчезнем?»* сказал Гумбольдт. *Вот так, на пике жизни выйти в Каспийское море и никогда уже не вернуться назад?»*

*Перевел с немецкого: Кирилл Левинсон*